

Дмитрий Ахметшин

Будем жить всем назло

Дмитрий Ахметшин

Будем жить всем назло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25099709

Аннотация

Мы не замечали их считая надоедливими спутниками цивилизации, паразитами, мусорщиками и разносчиками заболеваний. Мы смотрели на них свысока, жалели хлебной крошки и давили машинами, не испытывая особой жалости. И вот, в одночасье, мы поменялись местами. И теперь человеку приходится выживать, прячась по закоулкам и приглядываясь к себе подобным – ведь каждый может стать одним из них. Содержит нецензурную брань.

– Вот и всё, – сказал Антон, опутив пожарный топор. Женщина, лежащая перед ним, пыталась уползти, но мощный удар швырнул её в стену, сбив полку с фотографиями и свечками в разноцветных стеклянных стаканчиках, а второй – пробил голову.

Только теперь, когда необходимая работа была сделана, Антон ощутил усталость в мышцах и боль в правой руке. Прислонив топор к этажерке с обувью, он осмотрел кисть и покачал головой, увидев глубокие следы зубов. С осуждением посмотрел на ретривера, который пятился от него, скуля и поджав хвост.

– Ну ты и выдал, Макс.

Он двинулся к собаке, но та оскалилась, показав обагрённые кровью клыки.

– Я знаю, ты любил её, – Антон вздохнул. – Я тоже её любил. Но понимаешь, людское общество устроено куда сложнее, чем собачье. У вас радость остаётся радостью до самого конца, точно так же, как верность остаётся верностью. У людей всё может измениться за считанные минуты. Потому что мы, знаешь ли, редкостные мудаки и склонны к саморазрушению.

Он сделал ещё одну попытку погладить пса, но остановился, когда детский плач нашёл лазейку в его сознание. Он звучал уже давно, беря особенно высокие ноты, когда лезвие топора разрезало воздух.

– Тоня, – сказал он. Сделал хриплый вдох, покачиваясь из стороны в сторону, словно пьяный. – Как же я тебе скажу, что...

Он вошёл в детскую, ближайшую комнату по коридору. На двери висел декоративный венок из вербы, мать-и-мачехи и мимозы; цветы давно уже завяли, но никто не собрался его выкинуть. Уют в крошечной комнате создавали старательно и долго, и кровать со старомодными шашечками по углам была его эпицентром.

– Ты должна была расти в нормальном мире, – сказал Антон, поднимая младенца на руки. Девочке три с половиной месяца. Маленькое личико покраснело и сморщилось от крика. Он не осознавал, что говорит вслух, но, только услышав, как звуки его голоса тонут в густом плаче, стал думать практичнее. – Ты, наверное, голодная.

Несколько секунд он размышлял, глядя в наглухо занавешенное окно, квадрат которого становился всё заметнее по мере того, как наступало утро. Потом понёс ребёнка в прихожую. Антону не хотелось возвращаться на место убийства, но он как никогда сейчас осознавал, что выбора нет.

– Понимаешь, – говорил он, – Жанна отдавала тебе всё, что у неё было. Всю себя. И она была бы счастлива, если бы знала, что может помочь тебе даже после смерти. Даже таким образом...

Мужчина закашлялся, почувствовав, как подступают слёзы. «Не сейчас, – сказал он себе. – Не далее, как десять ми-

нут назад, ты убил свою жену. И ты не плакал. Ты сделал всё как надо, едва у неё в глазах появились эти чёрные кляксы. Так что не смей рыдать сейчас. Ты остаёшься отцом семейства. Ты остался единственным, кто может принимать решения. Так займись делом, пока не стало совсем светло».

Тело ещё не остыло, кровь вяло вытекала из разбитой головы. Ретривер вернулся, он обнюхивал руки женщины, поскуливая. Антон шугнул собаку. Одной рукой прижимая к себе малышку, даже не думающую успокаиваться, он взял за ногу жену и потащил её в гостиную, тёмное, заставленное мебелью помещение, похожее на склеп. Чиркнув спичкой, зажёл свечу, проверил, плотно ли задёрнуты шторы. Крупные пылинки неподвижно висели в ореоле дрожащего света. Когда-то всё было иначе. Здесь, в раскладном кресле, она и разрешилась от бремени, Антон перерезал пуповину, а Жанна, полуживая от боли, сама зашила Тоне пупок, потому что Антон так и не научился шить. Они тогда были счастливы, в пику всему миру, который рухнул в тартарары.

Он посадил Жанну, прислонив её спиной к стене, задрал на груди свитер, майку. Бюстгальтера она не носила. Антон сомневался, что кто-то из выживших ещё пользовался этой штукой. Она отошла в прошлое вместе со многими необязательными элементами туалета, а так же нормами морали. Осталось только то, без чего не прожить.

Ареолы вокруг сосков, которые сильно увеличились после родов, знакомая родинка на правой груди. Но главное –

это молоко. У Жанны всегда хватало молока, поэтому они даже не искали для Тони прикорм. Да и где его сейчас найдёшь? Питательная смесь ценилась у тех, кто остался, наравне с консервами и гречневой крупой.

– Мы найдём тебе пропитание, – сказал Антон дочери. Поднёс девочку к правой груди и удостоверился, что она схватила сосок. – А сейчас тебе лучше бы поесть от души. Мама любит, когда ты сытая.

Оглядевшись, он сдёрнул с кресла пухлую, воняющую плесенью подушку. Устроил её на коленях жены, под спинкой ребёнка. В последний раз пробежал пальцами по рёбрам женщины. Господи, какая она худая!..

Девочка жадно задвигала ртом. Её глаза были открыты. Антон предпочёл бы, чтобы она не смотрела, но ничего не мог поделать. Жанну сейчас не так-то просто узнать, и дело не в травмах, которые он ей нанёс. Совсем нет. Голубиная лихорадка постучалась и к ним в дом.

Антон задал себе вопрос, какие шансы у Тони заразиться через материнское молоко, но быстро прогнал от себя эти мысли. Ведь и до этого малышка питалась от груди матери. Неизвестно, как передаётся вирус. Неизвестно даже, вирус ли это. Первых заболевших разделяли сотни и сотни километров, и в то же время люди могли годами жить рядом с мутантами. Их семейство тому доказательство.

Больше похоже на магию, если уж на то пошло.

Жанна была одной из первых, кто высказал горькое пред-

положение, что убегать бесполезно. Они жили бок-о-бок с новыми обитателями Земли достаточно долго, чтобы понять, что даже в защитных масках нет необходимости. Болезнь приходит, когда ей того захочется.

Хмыкнув, Антон встал. Теперь, освободив руки, он мог заняться более насущными делами. Наступал день, а значит, время сизеголовых. По ночам они забираются в подвалы и заползают под брошенные автомобили, зато с первыми проблесками рассвета заполняют улицы. В темноте можно передвигаться почти безбоязненно. Антон не знал, с чем это связано, хотя полтора года, проведённых в этом новом мире, подвели его к необычной мысли: они боятся темноты, а точнее – тёмных открытых пространств. Потому если такой пустоголовый заберётся к тебе в дом, ночь на дворе или день, вероятнее всего, ты уже не жилец.

Антон направился к окну, чтобы плотнее задёрнуть шторы, и вдруг остановился: мимо проследовала тень. Максик был тут как тут; светлая шерсть на его загривке поднялась. Он скалил зубы, но из глотки не доносилось ни звука. Макс был умным псом и быстро понял, что пустоголовые очень любопытны к звукам. Видят они паршиво, но слухом не обделены. Раздалось утробное курлыканье, Антон готов был поклясться, что в нём звучали вопросительные нотки. Закрыл ли он дверь? Все ли окна закрыты и зашторены? Главное, чтобы Тоне не вздумалось заплакать снова. Жизнь с маленьким ребёнком здесь – отдельное, почти садистское удо-

вольствие. Жанна была с Тоней на одной волне, и какие бы потрясения не случались в жизни, она могла тихим, баюкающим голосом успокоить дочь. Если же с Тоней по какой-то причине оставался Антон, то, в момент малейшей опасности, он просто зажимал младенцу рот и держал так крепко, что ничего, кроме нескольких сдавленных звуков, не просачивалось наружу.

«Однажды ты всё поймёшь и сможешь простить меня за эту грубость», – говорил он каждый раз.

Постояв, тень удалилась, покачивая огромной головой. Антон выдохнул сквозь сжатые зубы. Он понимал, в чём дело. Кроме отменного слуха, у пустоголовых ещё и очень хороший нюх. Своих они чувят за версту, и этот решил, что дом уже кем-то занят. Антон тоже чувствовал запах. Слабый, но ощутимый, он возник за пару часов до того, как в ванной появилось несколько маленьких сизых пёрышек.

Что-то встревожило мужчину, заставив обернуться. Кровавый след тянулся по полу из коридора; на линолеуме остались коричневые разводы. Антон поморщился. Но... нет, не в этом дело. Что-то двигалось. Он готов был поклясться, что неким шестым чувством, глазами на затылке, уловил движение.

На лице и ползунках Тони Антон увидел россыпь красных пятнышек. На его глазах очередная капля сорвалась с подбородка Жанны и ударила в лоб ребёнку. Девочка перестала сосать и засмеялась, мужчину передёрнуло. Он подошёл,

чтобы стереть с лица дочери кровь, но вдруг остановился, увидев, как дёрнулись руки женщины. Это было конвульсивное движение, но оно совершенно не понравилось Антону.

Ладони жены тощие, будто высохшие, на запястьях появилась гусиная кожа. Ногти заметно удлинились и почернели. Антон потёр лоб: были ли они такими, когда он поднял топор и нанёс решающий удар? Когда Жанна, уже будучи не в себе, поднимала руки, пытаясь защититься, и издавала гортанные, курлыкающие звуки? Нет... кажется, нет. Так что это? Она продолжает превращаться, даже будучи мёртвой?

Малышка вновь сосредоточилась на еде. К мраморной коже груди пристали несколько пуховых перьев нежно-кремового цвета. Антон наклонил голову жены вниз и посмотрел на шею, туда, где длинные каштановые волосы двумя водопадами спадали вниз. Тоже перья, сизые, они были похожи на пятна грязи.

В этот момент кисти рванулись вперед, и только реакция Антона, натренированные полутора годами выживания рефлексы позволили избежать страшного.

Жанна... нет, то, что ей когда-то было, попыталось схватить ребёнка острыми, загнутыми, как у птицы, когтями. Мужчина успел заблокировать руки-лапы. Усилие было колоссальным, и Антон чуть не прокусил нижнюю губу, пытаясь ему сопротивляться. Женщина подняла голову, уставившись на него неподвижным чёрным зрачком. Левый глаз закатился под распухшее веко, но правый заглядывал, каза-

лось, прямо в душу, наполненный какой-то особенной, чуждой человеку болью.

Её лицо уже начало деформироваться. Нос лопнул и висел лохмотьями вокруг молодого, влажно блестящего клюва почти воскового оттенка. Рот съехал под подбородок; исказившись, он стал похож на масляное пятно в луже воды. Губы отчаянно пламенели. Во многих местах они лопнули и сочились кровью. Язык свешивался вниз, касаясь гортани. Лоб стал покатым, шапка волос над ним смотрелась грязной тряпкой, брошенной на голову. Антон знал, что волосы скоро выпадут, а на их месте появится оперение, топорщащееся на темени.

Существо издавало горлом сдавленные чавкающие звуки. Тоня выпустила сосок и съехала по подушке, извиваясь, как червяк, размахивая ручками и ножками.

– Как ты выжила? – спросил Антон. Рана выглядела ужасно. Стискивая твёрдые, как деревяшки, запястья, он сказал: – Уйди из моей жены. Не смей похабить память о ней.

Вместо ответа монстр попытался клюнуть его в глаз. Мужчина увернулся и почувствовал острую, жгучую боль в скуле. Удар клюва тех, кто набрался сил и окреп после трансформации, способен крошить кости. Жанна всего лишь птенец, но это ненадолго. Птенцы быстро превращаются в полноценных особей. «За что им подарили этот мир? – с болью подумал Антон. – Мы не так уж плохо с ним обращались... мы...»

Держа руки женщины, он находился в безвыходном положении, открытый для атаки монстра.

– Макс! – зашипел мужчина.

Пёс был уже тут как тут. Надо отдать должное выучке, он не залаял. Скалил зубы, тихо скулил, обнюхивая ногу чудовища. Жилы на ней напряглись так, что напоминали верёвки.

– Это не она, – сказал Антон. – Больше не она! Оттащи её от меня, мальчик, живо!

Но Макс не двигался. Антон увернулся от очередного удара, куда более уверенного, чем предыдущий, и схватил зубами клюв птицы, не давая ему раскрыться. Из горла Жанны, тощего, вытянутого, вырвался протестующий хрип. «Хорошо, что она не может кричать, – подумал он, – потому что...»

Птенец дернулся, и зубы Антона клацнули. Клюв открылся, показав алый зев. Язык она втянула внутрь, он метался, словно пленник, которому поджаривали пятки.

– Максик, спасай Тонию! – крикнул Антон, забыв об осторожности. – Унеси её отсюда!

Ретриверы не просто так славятся своей сообразительностью. Пёс не мог заставить себя укунить родного человека, но эту команду выполнил незамедлительно. Он схватил младенца за манишку и потащил по ковру под стол. Удивительно, но девочка не кричала. Увидев, что лакомый кусок вне зоны досягаемости, птенец возмущённо заурчал. Волосы прядями слезали с его головы, оставаясь на одежде, ко-

торая сидела на щуплом теле как мешок, на руках Антона, на спинке стоящего рядом стула. На висках активно появлялись перья, а подбородок, прежде изящный, будто выточенный из фарфора, выглядел мягким, как хрящ. Его очертания сгладились.

– Это твоя дочь, – зарычал Антон и, с трудом освободив правую руку, ударил.

Он рассчитывал, что мягкий череп птенца не выдержит, но ошибся. Удар лишь дезориентировал существо на доли секунды, однако этих секунд хватило, чтобы понять, что без оружия нет никаких шансов с ним справиться. Антон рванулся в сторону коридора, упал, когда когтистая лапа, обретшая полное сходство с птичьей, ухватила его за ногу, приложился головой о край рабочего столика, куда складывал инструменты, которые всегда должны быть под рукой. По полу рассыпались гвозди, мужчина заорал, когда молоток ударил его по ладони.

Только ощутив пальцами шершавое дерево, Антон понял, что у него есть шанс. Повернувшись, он ударил молотком по клюву, который уже тянулся к его животу, потом по виску монстра, ещё ненадолго выведя его из строя. Нашарил длинный гвоздь, один из десятка рассыпавшихся по полу, и незамедлительно им воспользовался, пригвоздив лапу птенца, больше похожую на несформировавшееся крыло, к полу. Гвоздь вошёл в линолеум, дерево и плоть почти по самую шляпку. Жанна-монстр заурчала и забилась, вцепив-

шлись когтями другой лапы в бедро Антону, когда он отвлекся, чтобы найти ещё один гвоздь. Сопротивление птицы однако ослабло, и скоро вторая лапа также оказалась надёжно зафиксированной. Затем пришёл черёд нижних конечностей. Кости в них были мягкими и ломкими, будто полые стволы бамбука. Метаморфоза с костями оставалась загадкой для выживших, ведь голубиные люди не могли летать, а значит, облегчённый скелет был им без надобности.

Впрочем, и сама причина их появления была загадкой.

Слыша, как хрустят кости, наблюдая, как толчками выбивается из ран кровь, Антон облизал пересохшие губы. То, что было его женой, возлюбленной Жанной, распласталось теперь на полу, урча и мотая уродливой головой. Взяв со стола большие портновские ножницы, Антон разрезал свитер и майку на теле монстра-птенца. Помассировал сосок, пытаясь добиться выделения молока. Оно ещё оставалось, хотя и совсем немного. Эта функция человеческого организма отмирала, вытесняемая множеством других.

Опустившись на корточки, Антон сказал:

– Помнишь, мы говорили о том, что не будем колебаться ни минуты, если *это* случится с кем-нибудь из нас? Я поклялся, и ты поклялась, но я помню, что ты ещё сказала. Что не сможешь без меня жить. Сказала, что если этого не избежать, ты *надеешься* быть первой. Думаю, ты не сильно удивишься, услышав, что я тоже не смогу без тебя. Но у нас теперь есть Тоня. И я должен жить, столько, сколько потребу-

ется. Я готов сделать всё ради неё. Я знаю, ты – уже не ты, но у меня просто в голове это не укладывается. Нет, я верю, что ты слышишь, что ты где-то есть: над нами или вокруг нас. Надеюсь, ты сможешь меня простить.

Антон, сколько смог, сцедил из груди молоко в кастрюльку, перелил его в бутылочку с соской, сходил за дочерью, которая по-прежнему тихо лежала под столом, разглядывая морду Макса и цепляясь крошечными ручками за его шерсть. Поднял её на руки, заглянул в сморщенное личико, в карие, как у матери, глаза.

– Пойдём, дорогая, – сказал он, – Есть ещё время подкрепиться.

К тому времени, как Тоня опять принялась за еду, Антон наконец увидел то, что следовало увидеть давно. Шум борьбы привлёк голубиных людей. Они стояли перед окном, три или четыре особи, клювы с тихим «дзынь» ударялись в стекло. Видел, как головы их раскачиваются, алчно и зло толкая друг друга.

– Нет, – прошептал Антон, – здесь никого нет. Уходите.

Птенец, бывший совсем недавно его женой, не оставляя попыток освободиться, откинул голову назад, громко стукнувшись о стену, и пернатые заволновались сильнее, хлопая по бокам руками-лапами, будто крыльями.

А потом где-то на кухне разбилось окно.

– Нет, – повторил Антон, всё ещё не веря.

Послышался грохот – кто-то, перевалившись через под-

оконник, упал на пол, прихватив с собой стопку тарелок и сковородку.

Мужчина нашёл взглядом ключи от автомобиля. Полный бак горючего и четыре канистры в кузове. Они могут кататься хоть весь день. Будут ездить, преследуемые толпами птицеголовых, пока не стемнеет или пока не наткнутся на что-то, что станет новым временным пристанищем для их поредевшей фамилии. Сумки с самым необходимым, давно припасённые на экстренный случай, стоят возле чёрного хода. Вот только...

Антон не мог лишиться Тоню последних мгновений наедине с матерью, пусть даже это уже не её мать. Не мог заставить себя разжать ей губы, ведь прямо сейчас из одного тела в другое струилась любовь. Растворённое в жидкости чувство, которое ребёнок пробует на вкус, быть может, в последний раз в жизни.

Птенец сделал рывок, и гвозди на руках и ногах вылезли из пола на добрых три сантиметра. Ещё одного такого они не выдержат. Тело изогнулось дугой, клюв бешено щёлкал, и Антон слышал, как по коридору, врезаясь в стены и роняя картины с морскими пейзажами, в которых знали толк предыдущие жильцы, стучат когтями птицеголовые. Стекло разбилось вновь, на этот раз здесь, в гостиной. Голубиный человек рухнул в объятия занавески и заметался, возмущённо клопоча.

– Пойдём отсюда, Макс!

Пёс рычал, поняв, что в маскировке больше нет нужды.

Тоня захныкала, мужчина прижал её к груди. Прикрыв ладонью лицо девочки, он наступил на шею птенца и услышал, как под сапогом хрустнули кости. Поздно идти за топором. Антон схватил с деревянной подставки кухонный нож для мяса и бросился к выходу, чтобы в прихожей столкнуться с голубиным принцем, сизым самцом с грязным оперением, обломанным клювом и мясистой восковицей. На тощем теле болталась посеревшая рубашка с пеньком галстука, а брюки, порванные на коленях, кажется, едва держались на животе. Он протянул к Тоне белые безволосые руки, будто хотел пощекотать ей живот, но Антон не оставил ему шанса. Толкнул чудовище плечом, свалив его на пол и заблокировав дорогу двум другим особям, поменьше. У голубиноного принца был рудимент, единственное человеческое ухо, торчащее из пучка перьев, но Антон не стал тратить время, чтобы его рассмотреть. Он бросился к чёрному ходу, услышав, как из комнаты, оскальзываясь, выскочил ещё один сизеголовый.

Ключи от дверей висели здесь же, на крючке. Бросив оружие и прижимая к себе Тоню всё сильнее, так, что младенец захлебнулся хриплым плачем, Антон попытался вставить ключ в замок. Руки дрожали, он прикусил до крови язык.

Макс, что крутился у ног, умный, добрый Макс, на которого всегда можно было положиться, ринулся в атаку. Бросив взгляд через плечо, Антон видел, как ретривер встал на

дыбы, будто конь, и вцепился в горло голубиною человека. Тот рухнул, придавив собой пса. Антон дёрнулся на помощь, но потом волна понимания накрыла его с головой. Максик хотел дать им шанс ценой своей жизни. Он всегда был мозговитым псом. Ключ, наконец, соединился с личинкой замка, они закружились в последнем танце, и в глаза ударило солнце, пускающее свои стрелы сквозь резную листву клёна. Антон всерьёз ожидал птицеголовых, но увидел только захлапленный задний двор, да шмыгнувшую в кусты тощую кошку, ожидал, что колёса на его пикапе будут спущены, но с машиной всё было в порядке.

Захлопнув дверь, он почувствовал, что перерубил голову змею отчаяния, а в груди вновь затеплилась надежда.

– Мы с тобой будем жить всем назло, милая, – сказал Антон дочери, которая вроде бы затихла, вставив в рот кулачок. – И будем жить долго. И пока мы *будем* – *будет* и мама.

Он забыл про сумку, но это было не важно. Испугался, что придётся возвращаться за ключами от автомобиля, но обнаружил их в кармане. Ещё раз подумав о Жанне, вспомнив свежеть её лица и запах волос, Антон направился к «Тойоте», не замечая, что глаза младенца остекленели и вокруг зрачков появились хлопья сажи. Скоро они соединятся, чтобы утопить маленький разум в животной тьме.